

**Кузьминский Константин
Станиславович**

**Русская реалистическая
иллюстрация XV и XX вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Станиславович К.**
Русская реалистическая иллюстрация XV и XX вв / Кузьминский Константин
Станиславович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 213 с.

ISBN 978-5-519-91637-0

ISBN 978-5-519-91637-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Художник-иллюстратор в своем творчестве находится в зависимости от содержания иллюстрируемого произведения, от его стиля, от его целевого назначения и, наконец, от полиграфической, в частности, от репродукционной техники, при помощи которой будет воспроизведена его иллюстрация. Все это, вместе взятое, характеризует работу художника-иллюстратора как со стороны ее содержания, так и со стороны художественной формы.

Как бы художник ни старался быть «объективным», он не в состоянии скрыть своего отношения к иллюстрируемому произведению. Его общественные симпатии всегда скажутся. Они скажутся в выборе сюжета для иллюстрации, в трактовке изображаемых явлений и лиц и, наконец, в стиле иллюстрации. Одно и то же произведение иллюстрируется различно — в зависимости от того, какой художник, в какую эпоху, для какой цели его иллюстрировал. Стоит, например, просмотреть иллюстрации разных художников к «Мертвым душам» или к басням Крылова, чтобы убедиться в справедливости этого положения.

При рассмотрении вопроса о влиянии писателя на художника-иллюстратора необходимо иметь в виду, что далеко не всегда это влияние исходит от писателя непосредственно. Можно привести немало примеров, свидетельствующих о том, что взгляды писателей на искусство и его задачи были значительно менее прогрессивны, чем взгляды художников, иллюстрирующих их произведения. Ряд наших писателей-реалистов, которых прекрасно иллюстрировали художники в своих высказываниях об искусстве, являлись сторонниками академических и романтических или часто эклектических направлений в живописи, т. е. многие писатели-реалисты не пропагандировали того направления, которое появилось главным образом под влиянием их же творчества. Ввиду этого, исследуя характер и стиль иллюстраций к произведениям таких писателей, необходимо выяснить,

как отразилось на творчестве художника иллюстрируемое произведение, к какому периоду деятельности писателя оно относилось, какой творческий метод писателя оно отражало. Если бы Гоголь написал только свои «Вечера на хуторе близ Диканьки», а Пушкин только «Руслана и Людмилу», то влияние их на художника ограничилось бы взглядами, отражающими школу романтиков, к которым ни Пушкин, ни Гоголь себя не причисляли. Их значение в развитии нашего искусства определилось теми произведениями, которые они создали впоследствии и которые создали новое, реалистическое направление и в литературе и в живописи.

Иллюстрируемое произведение влияет на художника не только своим содержанием, дающим тему для иллюстрации, но и своей художественной формой, стилем и прочими особенностями творчества автора данного произведения.

Иллюстратор, подобно актеру, участвующему в пьесе, или композитору, пишущему музыку на определенный текст, должен глубоко проникнуться иллюстрируемым произведением, прочувствовать все его особенности и в момент творчества так перевоплотиться, чтобы в его художественном произведении отразились все наиболее характерные черты писательского творчества. Если бы в иллюстрации не оказалось ничего, что имеет связь с иллюстрируемым произведением, то такое художественное произведение потеряло бы право на название иллюстрации.

И чем совершеннее иллюстрация, тем она с большей силой должна отображать в себе иллюстрируемый текст печатного произведения. Но это вовсе не значит, что она должна быть простым изобразительно-графическим пересказом текста. Такой пересказ был бы малоценен, так как ничего не прибавил бы к иллюстрируемому произведению.

Иллюстрация только тогда способна оказать нужное действие, когда она является плодом творчества художника, в большей или меньшей степени конгениального писателю. Только два равные или хотя бы близкие по степени таланта — автор литературного и автор изобразительно-графического произведения — могут понять и оценить творческие замыслы друг друга и найти общий язык. Чем талантливее иллюстрируемое произведение, тем талантливее должен быть и художник-иллюстратор, ибо только такой художник может дать иллюстрацию, равную литературному произведению по силе художественного воздействия.

Лев Толстой, прекрасно понимавший задачи художественного творчества, в своей парадоксальной статье «Что такое искусство» дает хотя и одностороннее, но все же тонкое определение сущно-

сти искусства. «Как только зрители-слушатели заражаются тем же чувством, которое испытывал сочинитель, это и есть искусство. Вызвать в себе испытанное чувство и, вызвав его в себе посредством движений, линий, красок, звуков, образов, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемое им чувство, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

В соответствии с этим определением роли искусства от художника-иллюстратора требуется, чтобы он, находясь под впечатлением иллюстрируемого произведения, при помощи линий и красок выявил и передал социальную и художественную суть иллюстрируемого произведения. Иллюстрация должна быть доходчива, действительна и эмоциональна. Без этих качеств она утрачивает значение художественного произведения, является бесполезной или даже вредной, ибо ослабляет или дает неправильное впечатление от иллюстрируемого произведения.

Лев Толстой, будучи идеалистом, обращает внимание только на то, как искусство влияет на чувство. Он игнорирует другую сторону его воздействия. Плеханов протестует против такого идеалистического утверждения и говорит: «Неверно, что искусство выражает только чувства людей. Нет, оно выражает и чувства их и мысли, но выражает не отвлеченно, а в живых образах. И в этом заключается его самая главная отличительная черта... Искусство начинается тогда, когда человек снова вызывает в себе чувства и мысли, испытанные им под влиянием окружающей действительности, и придает им известное образное выражение»¹. Из этого плехановского положения необходимо сделать вывод, что иллюстрация, подобно литературному произведению, должна воздействовать одновременно и на чувство и на мысль. Она должна быть не только художественна по форме, но и глубока по своему содержанию.

Это особенно важно отметить потому, что нередко встречаются иллюстрации, которые носят характер так называемых виньеток, главное назначение которых заключается в голом украшении книги. Такие виньетки, прекрасно определяемые немецким термином *Zierbild*, должны быть отличаемы от иллюстрации, которая ни в коем случае не должна играть роль элемента, только украшающего книгу. Для иллюстрации единственным источником ее содержания должен быть

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIV, стр. 2.

текст книги, а виньетка имеет своим исходным материалом оформительские элементы книги: шрифт, формат, способ верстки и т. д.

Писатель, как и художник, воспроизводит действительность образно, и их художественные произведения получают силу и значение только при помощи образного воздействия на человека. Образность в иллюстрации должна быть равна по своей силе образности литературного произведения, тогда как виньетка имеет другое назначение: она является одним из элементов внешнего оформления книги.

Коснувшись различия между иллюстрацией и виньеткой, необходимо сказать несколько слов о рисунке, выполненном художником на литературную тему без заранее определенного намерения воспроизвести его в печатном произведении, и об его отличии от книжной иллюстрации.

Книжной иллюстрации приходится считаться со специфическими особенностями книги: с двухмерностью книжной полосы, с ее форматом, с характером шрифта, способом верстки, с качеством печатной бумаги, с цветом печатной краски и т. п.

Иллюстрация, будучи отделена от текста, в большинстве случаев утрачивает свой смысл и свое значение, ибо каждая из иллюстраций к какому-либо литературному произведению представляет собою только часть той художественной сюиты, которая задумана и выполнена как единое целое, по определенному плану, с определенной целью.

Иллюстрации к литературному произведению представляют собой комплексное целое и должны — при оценке работы иллюстратора — рассматриваться не каждая в отдельности, а в совокупности, так как каждая из них вытекает из единого целого, которым является иллюстрируемый текст. Как нельзя читать произведение по отдельным главам, в каком угодно порядке, с пропусками отдельных его частей, так и иллюстрации не должны рассматриваться вне определенного порядка, вне комплекса. Иллюстрирование книги не может носить характера случайности и непродуманности. Весь иллюстрационный комплекс должен рассматриваться как единое сложное художественное произведение, выполняемое по такому же плану, как и литературное произведение.

Иначе относится художник к рисунку, не предназначенному служить иллюстрацией. В данном случае художник для своего рисунка чаще всего пользуется литературным произведением, совершенно не считаясь со специфическими функциями, которые должна выполнять иллюстрация. Литературное произведение дает ему только тему для рисунка, так или иначе влияет на его творческое вооб-

ражение, но его интересует почти исключительно художественная сторона творчества. Он не чувствует себя стесненным текстом литературного произведения и не стремится точно отобразить то место из него, которое имеет существенное значение, а выбирает лишь то, что может ему дать наиболее подходящий материал для выполнения его художественных задач. Вот это отсутствие строгой зависимости рисунка от текста, другое целевое назначение и отсутствие единого ансамбля и отличают его от книжной иллюстрации в строгом значении этого слова.

Итак, необходимо признать, что книжная иллюстрация есть самостоятельный вид графики, а в редких случаях — и живописи, теснейшим образом связанный с литературным произведением и полиграфическим оформлением книги. Чем больше она увязана с произведением не только со стороны содержания, но и со стороны художественного стиля, тем выше ее значение, тем действеннее ее роль.

Иллюстрирование литературного произведения является задачей чрезвычайной важности, и она должна быть решена во всех отношениях хорошо. Если этого сделать нельзя, — лучше произведение выпускать без иллюстраций. Плохая иллюстрация должна быть из книги изгнана. Но это, конечно, не означает, что необходимо отказаться вообще от книжной иллюстрации. В деле иллюстрирования имеются большие трудности, но они не таковы, чтобы их нельзя было превозмочь.

Приобщение колоссальных народных масс к культуре требует критического освоения культурного наследства. На первом месте в этом деле, конечно, стоит наука с ее огромными достижениями, но и литература, именно та литература, которая ярко отразила в художественной форме реальную жизнь, и она должна занять почетное место в области изучения этой жизни всех времен и всех народов.

В тех литературных произведениях, которые отражают чужую жизнь или жизнь отдаленных эпох, иллюстрация особенно необходима. Только двойное воздействие текста и иллюстрации к нему дает возможность всесторонне понять читаемое произведение человеку, который по той или другой причине не имел возможности изучать историю, быт и материальную культуру изображаемой эпохи и среды.

Вопрос об изучении книжной иллюстрации у нас приобрел особое значение. Не только в дореволюционной России, но и в самых культурных европейских странах не появлялось так много иллюстрированных книг, как у нас. Наши издательства выпускают очень

много книг с иллюстрациями. Кое-что уже сделано в деле получения высокохудожественной иллюстрации, но нужно признать с полной откровенностью, что остается еще сделать многое и многое в этом направлении.

Одним из наиболее актуальных средств повышения качества нашей книжной иллюстрации является изучение художниками нашей дореволюционной реалистической иллюстрации. Это даст современным художникам возможность овладеть тем наследством, которое осталось от наиболее талантливых художников-иллюстраторов дореволюционной эпохи, и использовать его для дальнейшего развития и совершенствования советской иллюстрации в полном соответствии с методом социалистического реализма.

Знакомство с реалистической дореволюционной иллюстрацией имеет огромное значение и для более широких кругов читателей, поскольку оно помогает понимать правильно и остро наше литературное наследство, поскольку содействует поднятию общего культурного и художественного уровня человека.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бедность русской литературной иллюстрации XVIII в. объясняется не только бедностью в ту пору русской литературы, но главным образом малочисленностью художников, способных надлежащим образом понять, оценить и отобразить литературное произведение. Огромное большинство художников этого столетия было либо иностранцы, плохо знающие русский язык и малознакомые с русской литературой, либо хотя и русские, но малокультурные художники, скорее ремесленники, чем артисты своего дела.

Лишь весьма немногие русские художники того времени интересовались литературой. Большой же частью они замыкались в узкую сферу своего искусства (или вернее — ремесла), тем более, что и времени у них не было на ее изучение, ибо они были завалены работой, притом часто принудительной, по выполнению заказов правительственных учреждений или господ помещиков, которым они нередко принадлежали в качестве крепостных. Лишь в конце XVIII в. появилось несколько русских художников, которых можно причислить к категории иллюстраторов. Но и эти последние не дали почти ничего оригинального и самобытного и были под влиянием иностранцев, которые задавали тон в русской живописи того времени.

Роль иностранных художников в деле насаждения западноевропейского искусства в России в области живописи, скульптуры и архитектуры в известной степени выяснена. Что же касается графики и, в частности, иллюстрации, то в этой области сделано весьма мало, и еще предстоит большая исследовательская работа. Однако уже и сейчас можно наметить основные моменты иноземного влияния в интересующей нас области.

Это влияние могло идти тремя путями. Первый путь можно назвать официальным: через Академию наук (с 1725 г.), в которой введено было преподавание рисования и живописи; через Академию наук и художеств (с 1748 г.), в которой обучение искусствам было



ПИКАР. Марс и Венера. Иллюстрация к «Овидиевым превращениям». Гравюра. 1721 г.

поставлено уже на более высокую ступень, и, наконец, через Академию художеств (с 1757 г.) — учреждение, всецело предназначенное для подготовки художников, скульпторов и архитекторов. Во всех этих академиях в качестве профессоров, преподавателей и администраторов работали почти исключительно иностранцы. Среди них были хорошие рисовальщики и иллюстраторы. Из числа последних особенно интересен Ле Лоррен (1715 — 1759), приехавший в Россию в 1758 г. Он был гравером-офортисом, посредственным художником, иллюстратором басен Лафонтена и «Неистового Роланда» Ариосто. В свое время пользовался известностью Моро-младший (1741—1814), который приехал в Россию одновременно с Ле Лорреном. Отличный рисовальщик (особенно в молодые годы), сторонник Великой буржуазной французской революции, посвятивший ей, вместе с Давидом, большое количество работ, иллюстрировавший ряд литературных произведений: Овидия «Метаморфозы», Ариосто «Неистового Роланда», сочинения Вольтера, Мольера, Ж.-Ж. Руссо и др. Надо, од-



ПИКАР. Пирамус и Физба. Иллюстрация к «Овидиевым превращениям». Гравюра. 1721 г.

нако, отметить, что Моро работал в России всего два года, притом юношей (17—18 лет), и вряд ли мог оставить глубокий след в области русской иллюстрационной графики. Заслуживает внимания исторический живописец и портретист Торелли (1712—1784), который был известен и как талантливый рисовальщик и как карикатурист. Таким образом, официальное иностранное влияние через академии на развитие русской иллюстрации конца XVIII в. было невелико и вряд ли имело большое значение.

Второй путь влияния — это те иностранные иллюстрированные издания, которые были хорошо известны художникам и писателям в переводах на русский язык с приложением иллюстративного материала. Несомненно, что и издания на иностранных, особенно на французском и немецком языках, находившиеся в библиотеках Академии наук и Академии художеств, а также в частных библиотеках (Шувалова, Бецкого и др.), могли оказать известное влияние, так как многие художники знали языки благодаря постоянному общению с иностранцами и поездкам за границу.